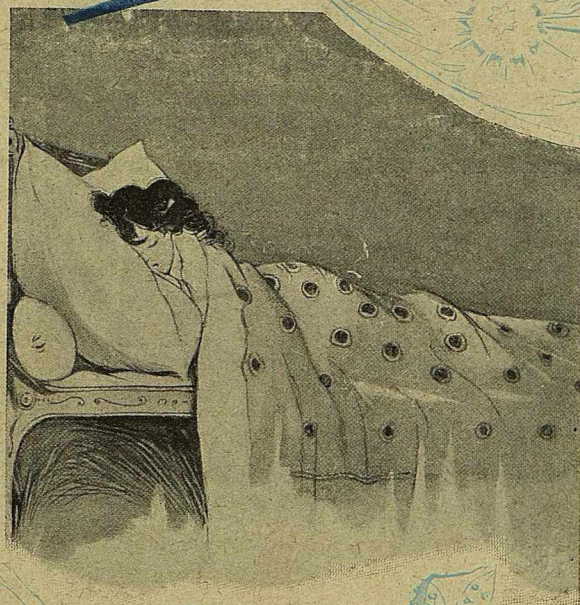

Атлантида

XVI 35
10

Содержаніе № 24: Ангелы славословятъ. Рис.—Въ старомъ городкѣ. Стих. Н. Фольбаума.—Съ „вертепомъ“. Разск. Л. Абрамовича. Съ рис.—Рождественскій сонъ. Стих. Н.—Елка. Рис.—Два Петруши. Разск. Энк.—Маленькая королева. Разск. Перев. Е. Б. Богдановской.—Елка маленькой Лили. Разск. Дени. Съ рис.—Звѣзда волхвовъ. Л. А. Съ рис.—Праздникъ у лисцы. Стих. Самъ-съ-усамъ. Съ рис.—О книгахъ.—Объявленія.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа cadaго мѣсяца.

Открыта подписка на 1913 годъ

на популярно-образовательный и литературно-худож. иллюстрир. журналъ для дѣтей средняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

(VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

(Журналъ премированъ въ Россіи и за границей).

Въ 1913 году онъ будетъ издаваться въ увеличенномъ форматѣ и въ большемъ объемѣ (32 страницы въ номерѣ вмѣсто 24).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Л. Абрамовичъ, Аркадій Аверченко, Каз. Баранцевичъ, Е. Богдановская, О. Благовъ, Н. Васинъ, П. Георгіевъ, И. Данилинъ, Н. Денисовъ (Никъ Дени), Павелъ Егоровъ, В. Звонаревъ, Борисъ Ивинскій, Вл. Ленскій, І. Любичъ-Кошуровъ, А. Мирскій, О. Полтавка, Алексѣй Толстой, Н. Фольбаумъ, В. Шишкинъ, Т. Щепкина-Куперникъ, Е. Энкъ и друг.

Художники: П. Абрамовъ, А. Бекъ, Д. К. Орловъ, А. Тимуховъ и др.

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

24 иллюстрир. книжки, содержащія разск., стихотв., пьесы для дѣтскаго театра, путешествія, популярныя статьи изъ разн. обл. знанія, игры, занятія, шутки и др.

Четыре преміи:

1. Большой альбомъ для марокъ. Дѣти любятъ собирать разныя коллекціи, и собраніе марокъ очень распространено. Но большимъ затрудненіемъ является отсутствіе системат. альбома, дорого стоящаго въ продажѣ. Съ этой цѣлью редакція „Дѣт-

Подписная цѣна на журналъ „Дѣтскій Міръ“ со всѣми при-

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города.

На ½ г.—1 р. 50 к.

Комплекты журнала „Дѣтскій Міръ“ за 1912 г. съ приложеніемъ „Жизнь животныхъ по Брзму“ могутъ быть высланы за 3 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **МОСКВА**, Бодьяная Дмитровка, д. № 26; въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровск. Линія); во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телегр. контор. Россіи. Издатель Акц. 0-во издательск. и печатн. дѣла „Московское Издательство“.

Редакторъ Г. А. Ювенно.

скаго Міра“ рѣшила придти на помощь своимъ молодымъ читателямъ.

2. Большая интересная игра-путешествіе „Вверхъ по Волгѣ“ со всѣми приспособленіями и раскрашенною картою.

3. Книга, богато иллюстрированная, „Какъ люди летаютъ“, отвѣтъ на самое интересное явленіе современной жизни.

4. Книга „Лѣсъ, луга, поля“, со множествомъ иллюстрацій, рисующая окружающую насъ природу и специально посвященная Россіи.

3 РУБ. въ годъ.

Пробный номеръ для ознакомленія у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ, а также высыл. изъ конторы за 10 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Подписная цѣна со всѣми
прилож. съ достав. въ Москвѣ и перес.
въ друг. города **3 р.**, на 9 мѣс.—
2 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ г.—**1 р. 50 к.**
на 1 м.—**30 к.**

№ 24.

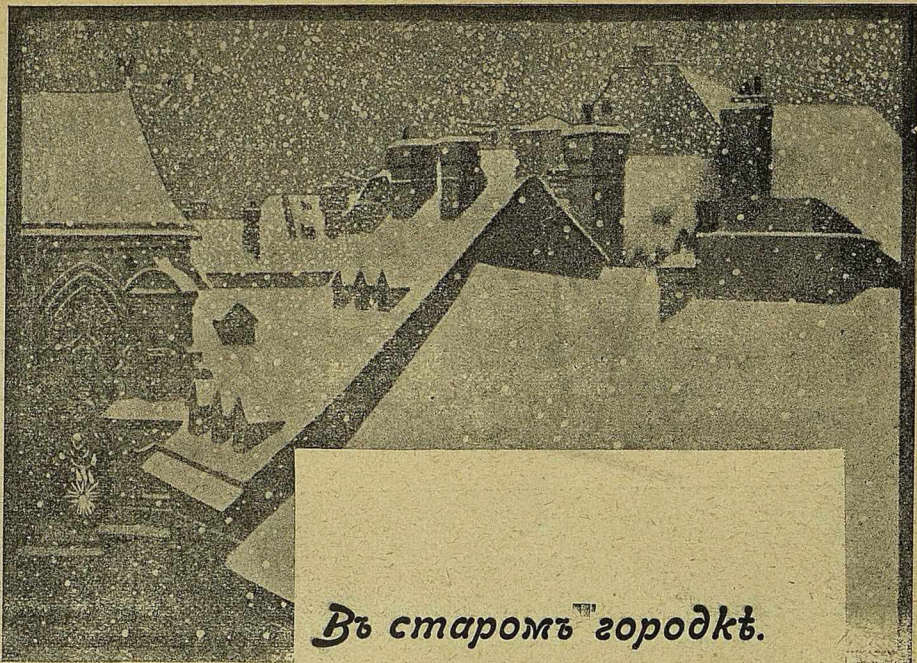
Редакція и контора: Москва, В.
Дмитровка, 26.

Контора открыта ежедневно съ
10 ч. до 5 ч. дня.

Редакція—по четверг. отъ 5—6 ч. в.

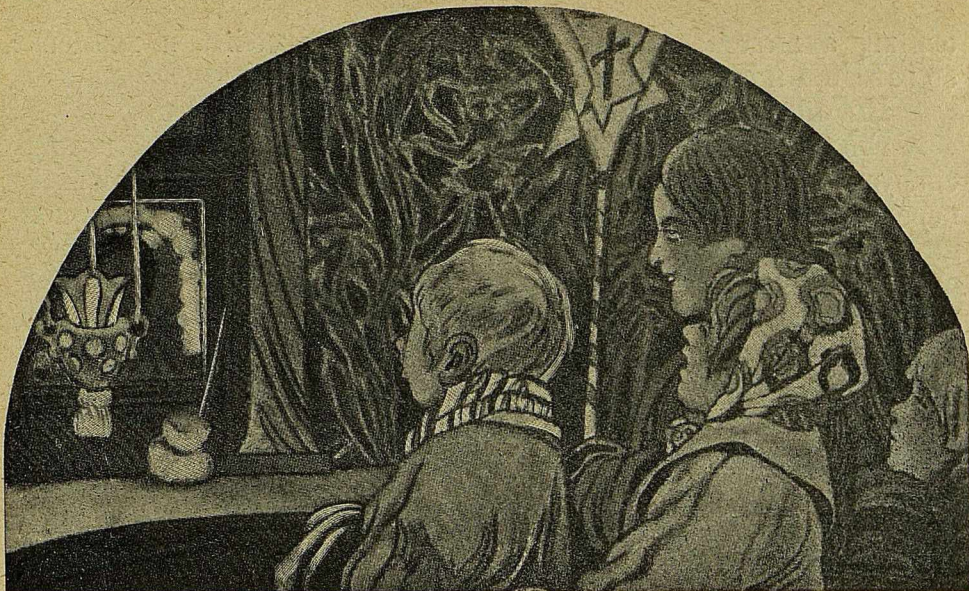
Ангелы славославятъ...

Въ старомъ городкѣ.

Падаютъ снѣгъ. Наступила зима.
Въ городѣ сдѣлалось тише.
Въ холодъ небесъ поднимаютъ дома
Бѣлыя острыя крыши.
Ставни закрыты. Дорога нѣма...
Падаютъ мягкаго снѣга потокъ.
Странникъ пройдетъ безъ привѣта.
Лишь на углу чуть мерцаетъ вѣнокъ
Слабаго тихаго свѣта.
Въ городѣ этомъ огонь одинокъ.
Статую Матери Божьей въ парчѣ
Люди поставили въ нишѣ.
Свѣчи зажгли передъ ней. На плечъ
Дремлетъ Ребенокъ... О, тише!
Благость небесная въ каждомъ лучѣ.
Жаркой молитвы прошепчетъ слова
Странникъ, забывъ утомленье.
Ляжетъ къ подножью его голова...
Близко Христово рожденье,
День Рождества.

Н. Фольбаумъ.

СЪ „ВЕРТЕПОМЪ“.

Прошла туманная слезливая осень, наступила зима. Пересталъ выть по ночамъ вѣтеръ и шумѣть соломою крышъ, перестали жалобно кряхтѣть старыя деревья. Начались морозныя ясныя ночи, когда звѣзды разсыпаются по небу и какъ-будто радостно усмѣхаются, а лучи мѣсяца сверкають на снѣгу и переливаются такъ, что кажется, будто не снѣжинки это, а множество самоцвѣтныхъ камней, разсыпанныхъ рукою невѣдомаго волшебника по всему міру. Близились святки. И чѣмъ ближе становились праздники, тѣмъ больше думалъ о нихъ Наумъ. Даже въ книжки сталъ заглядывать неаккуратно и нѣсколько разъ стоялъ уже „столпомъ“ у школьнаго порога: учительница ставила.

Дома „батько“ и „дідъ Микита“ даже за чубъ потаскали за разсѣянность и забывчивость.

Но это все мало печалило Наума: вѣдь вотъ-вотъ подойдутъ

святки, а вмѣстѣ съ ними и праздничное веселье, и хожденье со звѣздою, и съ „вертепомъ“...

Вы, можетъ-быть, и не знаете, что такое „вертепъ“?

Его сооружаютъ изъ дощечекъ, въ видѣ домика, оклеиваютъ снаружи и внутри бумагою, и получается нѣчто вродѣ маленькаго передвижнаго театра. У этого домика спереди широкая дверца, и въ нихъ видна внутренность „вертепа“, изображающая собою пещеру, въ которой родился Христосъ. Тамъ стоятъ ясли, возлѣ нихъ фигурки Іосифа, пастуховъ... Освѣщается „вертепъ“ маленькими свѣчками. Съ двухъ боковъ его—маленькія отверстія, черезъ которыя входятъ въ пещеру разныя интересныя особы: тутъ и царь Иродъ, и смерть, и три волхва, и цыганъ, и дѣдъ съ бабою, и вѣдьма... Какія чудесныя сценки разыгрываются передъ зрителями! Всѣ фигурки прикрѣплены къ проволокамъ, и ими управляютъ мальчики, помѣщающіеся съ обѣихъ сторонъ этого маленькаго театра.

Представленія сопровождаютъ пѣніемъ подходящихъ стишковъ. Большое удовольствіе маленькимъ деревенскимъ „хлопцамъ“ посмотреть такое зрѣлище, а еще, пожалуй, большее удовольствіе ходить съ „вертепомъ“...

Ходишь себѣ изъ хаты въ хату, поешь „колядки“, показываешь свое искусство, вездѣ встрѣчаешь радушный пріемъ... Чего же еще?

И Наумъ твердо рѣшилъ ходить въ этомъ году съ „вертепомъ“, а потому-то отчасти и ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ святокъ.

Въ школѣ мальчики живо обсуждали разные вопросы, связанные съ наступающими праздниками, пѣли „коляды“, собирали охотниковъ ходить по селу...

Старшіе сначала было даже не захотѣли брать въ свою компанію Наума, и Спиридонъ Коваль хотъ и былъ съ Наумомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а заявилъ: „Гусячого“ не будемъ брать съ собой“...

Наумъ имѣлъ въ школѣ кличку „Гусячій“, съ одной стороны, для отличія отъ двухъ другихъ Наумовъ, а больше потому, что лѣтомъ пасъ гусей.

Такъ вотъ его товарищъ Спиридонъ заявилъ, чтобъ Наума Гусячого не брать...

— Его собаки съѣдятъ... Хлопотъ не оберешься. А то въ снѣгу затонетъ...

Наумъ дѣйствительно былъ роста небольшого, и въ первый разъ (въ прошломъ году) его въ школу отецъ принесъ на рукахъ: боялся, чтобы сынокъ и вправду не пропалъ гдѣ-нибудь въ снѣгу: зима тогда стояла очень снѣжная.

Но какъ-никакъ, а вопросъ уладился. Наумъ сначала заплакалъ, потомъ сталъ тузить Спиридона (тотъ былъ въ кожухѣ и отъ ударовъ Наума только ежился и смѣялся), потомъ вошла учительница и поставила друзей у порога. Такъ они стояли цѣлый часъ и успокоились.

Быстро бѣжали дни, недѣли... Окончились занятія въ школѣ. Всѣ старые и малые заняты были предпраздничными хлопотами и какъ-то даже не замѣтили, какъ подошелъ сочельникъ. Въ этотъ день Наумъ занялся вмѣстѣ съ пріятелями окончательной отдѣлкой „вертепа“: кое-гдѣ подклеили, запаслись свѣчами, достали маленькія салазки, чтобы было на чемъ возить свой „вертепъ“...

Вечеромъ Наумъ, какъ всегда, пѣлъ на клиросѣ дискантомъ и имѣлъ очень торжественный видъ: смазалъ волосы обильно масломъ, чтобы не торчали вихрами, и надѣлъ новый кожухъ...

Послѣ деркви ужинали: ѣли „кутью“ и прочія кушанья, которыя полагаются добрымъ людямъ ѣсть на „коляду“...

Во снѣ Науму приснилось, что отецъ не позволилъ ему идти „колядовать“, и это было такъ неприятно и обидно, что Наумъ даже всхлипнулъ.

Но на яву ничего такого не случилось. Солнечный веселый день помогать празднику, и Наумъ цѣлый день провелъ съ товарищами. Съ утра ходили на озеро, катались на конькахъ, на салазкахъ, лѣпили снѣжнаго дѣда, заводили разныя игры...

Было такъ весело, что не хотѣлось даже идти въ хату. Правда, веселье нѣсколько омрачилось тѣмъ, что Грицько, сосѣдъ Наума, расшибъ носъ на льду, а Филиппъ Чубатый, тоже школьникъ, дразнилъ собакъ и довелъ ихъ до того, что онѣ ему разорвали свитку.

Но все-же это пустяки, и „хлопцы“ веселились во-всю.

А когда короткій зимній день сталъ клониться къ вечеру, во всѣхъ концахъ села послышались „колядки“... Группы колядовав-

шихъ переходили отъ хаты къ хатѣ, колядовали и получали за это широги, паляницы, колбасы...

Школьники поставили „вертепъ“ на санки и начали обходить. Входили въ хату, поздравляли хозяевъ съ праздникомъ и просили разрѣшенія показать „вертепъ“. Подъ пѣніе хора маленькихъ колядниковъ выходилъ на сцену царь Иродъ и слѣдомъ за нимъ смерть—костлявая, страшная и съ громадной косой...

Видя неминуемую гибель, Иродъ умолялъ смерть о пощадѣ, предлагалъ отдать даже свое пурпурное одѣяніе, но смерть—неумолима: она отказывалась идти на уступки и отсѣкала Ироду голову косой. Появлялись черти—черные и косматые, и тащили Ирода въ адъ...

Выходили три царя-волхва, бородатые, въ коронахъ... Стояли у яслей, кланялись и пѣли... Послѣ такихъ сценъ появлялись въ „вертепѣ“ разныя смѣшныя фигурки: тутъ уже и старая вѣдьма сидѣла и сбивала масло, а хитрый чортъ опрокидывалъ ей кадушку съ масломъ... Тутъ и дѣдъ съ бабой танцевали...

Смотрѣли „вертепъ“ и улыбались снисходительно старые „дядьки“, хохотала молодежь и визжали отъ восторга маленькія дѣти... Ужъ очень хорошо умѣли разыгрывать разныя сценки школьники.

А въ заключеніе выходилъ на середину „вертепа“ старикъ бородатый съ мѣшкомъ въ рукахъ и просилъ бросить ему въ мѣшокъ монетку. Кладли, кто сколько могъ.

Всюду принимали мальчиковъ радушно, угощали, насыпали въ мѣшки всякой всячины... Наумъ очень старался, выводилъ тоненькимъ голоскомъ припѣвъ „коляды“:

— „Ой, радуйся, земле, сынъ Божій народився“...

Пѣлъ онъ и про трехъ волхвовъ, и про Іисуса, и много разныхъ другихъ колядокъ... И мѣсяцъ такъ усердно свѣтилъ школьникамъ, какъ-будто нарочно хотѣлъ услужить имъ.

Понравилось „хлопцамъ“ шумной ватагой перекочевывать изъ хаты въ хату, пѣть коляды... Такъ понравилось, что зашли въ самый отдаленный конецъ села и когда собрались въ обратный путь, то увидѣли, что началъ мѣсяцъ прятаться въ облакахъ. Быстро стали набѣгать откуда-то темныя волокнистыя тучи, зашумѣлъ въ голыхъ деревьяхъ вѣтеръ и посыпалъ снѣгъ, сначала

мелкій, потомъ крупнѣе и гуще и, наконецъ, большими тяжелыми хлопьями...

Дружно взялись школьники за санки и поспѣшили домой. Наумъ, какъ наиболѣе слабый и маленькій, пошелъ сзади, за вертепомъ.

Долго пришлось идти, обратный путь казался такимъ длиннымъ, точно онъ и вправду вытянулся еще на нѣсколько верстъ. Усталъ „Гусячій пастухъ“. Старался поспѣшить за всѣми, пыхтѣлъ, а все-же отставалъ все больше и больше.

Вѣтеръ сердился, бросалъ тучи снѣга прямо Науму въ лицо, точно хотѣлъ замести совсѣмъ отсталаго колядника...

Хаты въ концѣ села вообще были рѣдки, а въ поднявшейся метели ихъ и совсѣмъ не стало видно...

Усталость охватывала Наума, трудно было идти.

— Эй, хлопцы! Спиридонъ!..—закричалъ Наумъ.—Вьюга зашумѣла ему въ отвѣтъ что-то непонятное и покрыла своимъ шумомъ слабый голосъ Наума. Страшно стало ему, хотѣлъ бы бѣжать, а ноги подкашиваются, такъ усталъ...

„Можетъ, то самъ нечистый ведетъ меня куда-то,—подумалъ Наумъ.—Можетъ, и не вѣтеръ свиститъ, а онъ гуляетъ и тѣшится“...

— Хлопцы!..—уже со слезами кричалъ Наумъ.

Нѣтъ отвѣта. Школьники, вѣрно, и не замѣтили, что отсталъ ихъ товарищъ. „Можетъ, передохнуть, присѣсть“...—подумалъ Наумъ и присѣлъ подъ деревомъ на корягу, высунувшуюся изъ-подъ снѣга. „Немножко посижу, и дальше“... Не зналъ Наумъ, что сидитъ онъ у самой дороги и село близко: бѣлой тканью застлала мятель все кругомъ, и казалось, будто всюду, сколько ни смотри, поле, бѣлая равнина. „Хоть бы до дому добраться,—думалъ Наумъ,—спать хочется“... А завтра въ школѣ елка... Дадутъ или не дадутъ ему такую книжку, какъ въ прошломъ году дали Семену Перепичкѣ... А елка будетъ чудесная—точь-въ-точь такая, какъ та, что видѣлъ Наумъ въ окно, въ батюшкиномъ домѣ: вся въ золотыхъ и серебряныхъ нитяхъ, увѣшанная орѣхами, конфектами... Какихъ только чудесъ тамъ не будетъ. И всѣмъ дадутъ гостинцевъ... А передъ обѣдной дьячекъ Иванъ Финогеновичъ будетъ ругать Наума за то, что не выучилъ новаго „Иже

херувимы“ и, пожалуй, стукнуть разъ-другой камертономъ по головѣ.

Стало Науму такъ тепло, хорошо... Какъ-будто уже и морозъ не шишетъ, не забирается подъ кожухъ, даже и не слышно его. А морозъ—хитрый, лукавый, между тѣмъ потрескивалъ и все сильнѣе да сильнѣе забиралъ своими цѣпкими пальцами Наума. Не зналъ Наумъ того, что если не встанетъ онъ, то пропадетъ, замерзнетъ совсѣмъ и не увидитъ ни елки, ни школы, ни своей хаты... Сталъ охватывать Наума сонъ. Чудится ему, будто сидитъ онъ въ тѣни, подъ кустомъ орѣшника и рѣжетъ ивовые прутья, чтобы плести корзинку, а кругомъ ходятъ гуси и весело перекликаются... Лѣтнее солнце грѣетъ Наумову спину, и такъ ему хорошо и весело... А старый гусакъ ходитъ и важно выговариваетъ: Га-га-га-га...

Вѣтеръ гулялъ кругомъ, пѣлъ свою пѣсню то сердито, то какъ-будто радуясь, что вотъ-вотъ замететъ совсѣмъ снѣгомъ фигурку Наума.

Такъ бы и замерзъ Наумъ Гусячій подъ самыми хатами, но вдругъ что-то теплое и влажное прикоснулось къ его лицу...

Еще и еще... Наумъ съ усиліемъ открылъ глаза и хотѣлъ опять ихъ закрыть, но ему не дали. Черный, кудлатый песъ стоялъ возлѣ Наума и, визжа, лизалъ его въ лицо.

— Да это ты, Наумка! Ты чего здѣсь? Ужъ не колядовать ли собрался!..

Это дядя Ѳедоръ ѣхалъ домой, и его песикъ „Рябко“ замѣтилъ Наума, сидящаго подъ вербой, въ снѣгу.

— Ой, Боже-жъ мой! И занесло же тебя сюда... Вотъ негодный хлопецъ!

Дядя бранился и тащилъ Наума къ санямъ...

— Чуть не замерзъ... Догулялся, нечего сказать... Будетъ тебѣ отъ батки на орѣхи, задастъ онъ тебѣ!..

Заскользили сани по пушистой снѣговой настилкѣ. Закутанный въ дядину овчину лежалъ въ саняхъ Наумъ, а сзади бѣжалъ, завернувъ хвостъ калачикомъ, лохматый „Рябко“, не думая и не чувствуя того, что онъ только-что спасъ жизнь маленькому человеку.

Л. Абрамовичъ.

Рождественскій сонъ.

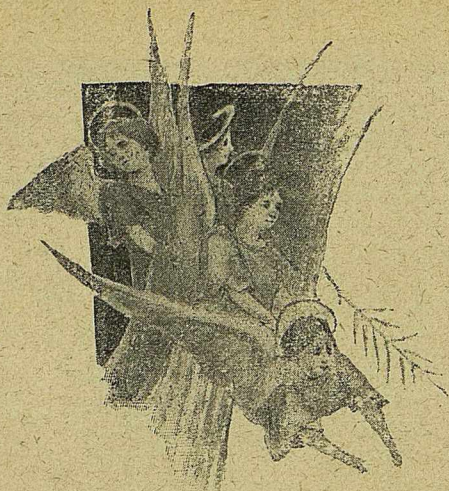
На яву, иль это сонъ?
Разметались по подушкѣ
Кудри, и со всѣхъ сторонъ
Собираются игрушки.
Куколъ цѣлые ряды.
Скачутъ рѣзвые лошадки,
Не желая знать узды,
Изъ-подъ Катиной кровати.
Скачѣтъ пестрый арлекинъ
На одной ногѣ безъ толку.
Не забудетъ ни одинъ
Посѣтитъ сегодня елку.
Мчатся, вьются, точно снѣгъ...
Полосой изъ перламутра,
Свой оставивши ночлегъ,
Улыбнулось въ небѣ утро.

Говоритъ: Пора вставать,—
Отдаваться полно сказкамъ!..
Катя бросила кровать,
И своимъ не вѣритъ глазкамъ.
Всѣ явились, какъ одинъ,
Къ ней на праздникъ,—всѣ игрушки.
Смотритъ пестрый арлекинъ
На нее изъ-подъ подушки.
Куколъ чинный, длинный рядъ
Посылаетъ ей улыбки.
Быстро лошади летятъ...
Полно, нѣтъ ли здѣсь ошибки?
Катя смотритъ въ синеву,
На полу—дневныя пятна.
Какъ прекрасно!.. Непонятно,—
Это сонъ иль на яву.

Елка.

Два Петруши.

Рождество. Въ циркѣ идетъ представленіе для дѣтей. Почти изъ каждой ложи смотритъ нѣсколько паръ дѣтскихъ глазъ. Есть дѣти и въ дешевыхъ мѣстахъ, и ихъ глазки съ неменьшимъ оживленіемъ и любопытствомъ смотрятъ на сцену. Въ одной изъ ложъ сидитъ Петруша съ мамой, сестрами и бонной-нѣмкой. Мама, богатая барыня, дѣти ея одѣты нарядно, кушаютъ конфеты и бросаютъ апельсины и коробочки конфетъ маленькимъ наѣздницамъ и акробатамъ.

На самыхъ верхнихъ мѣстахъ сидитъ другой Петруша съ мамой. Этотъ Петруша одѣтъ бѣдно, какъ и его мама; она прачка, нѣлѣный день работаетъ, а сегодня, ради праздника, повела своего сынишку въ циркъ.

Оба Петруши хлопаютъ въ ладоши, оба смѣются и удивляются штукамъ клоуновъ, ловкости акробатовъ и наѣздниковъ. Вернувшись домой, оба Петруши начинаютъ устраивать циркъ и представляютъ, что имъ удастся. Разказовъ о циркѣ хватаетъ на долго.

— Я самъ буду акробатъ,—говоритъ Петруша бѣдной своей матери,—гляди-ко, такъ я кувыркнулся, какъ онъ? Петруша кувыркается черезъ голову и силится продѣлать и другія штуки. Мать занята разговоромъ съ сосѣдкой-кумой и кумомъ и мало интересуется ловкостью сына, а кумъ не разъ ужъ похвалилъ его. Петруша дѣйствительно очень ловокъ.

— Хочешь, Петя, я тебя опредѣлю въ циркъ?—предлагаетъ кумъ.—У меня тамъ пріятели изъ служащихъ есть.

— Опредѣлите, дяденька,—просить Петруша.

Гости поговорили и ушли, а Петруша не даетъ матери покою,—отдай да отдай его въ циркъ штуки дѣлать.

Прошли праздники. Мать опять цѣлые дни за корытомъ... Холода большіе, платья теплаго нѣтъ... простудилась, заболѣла. Пришелъ кумъ и свезъ ее въ больницу.

Петю пока онъ же взялъ къ себѣ. Не легко стало Петѣ въ чужомъ домѣ безъ матери.

Поболѣла она и умерла. Петя остался сиротой.

— Ну, идемъ, малецъ,—сказалъ ему разъ кумъ,—обѣщали тебя принять въ циркъ въ ученіе.

Петя вспомнилъ свое давнишнее желаніе и обрадовался, что оно исполнится.

Началось ученіе. Глядя, какъ легко акробаты дѣлаютъ свои штуки и фокусы, Петруша не думалъ, что это будетъ такъ трудно. Много колотушекъ досталось ему, прежде чѣмъ онъ научился чему-нибудь. Горько плакалъ Петя и думалъ: „Живи бы мать, ушелъ бы къ ней и даже никогда смотрѣть не пошелъ бы на эти представленія, для которыхъ такъ мучаютъ дѣтей“.

Много мальчиковъ училось съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ были худенькіе, жалкіе, такіе некрасивые днемъ. Къ вечеру ихъ одѣвали въ пестрое платье, красили личики, подвигали или приглаживали волосы и выпускали на сцену. Петруша выучился всему, что такъ удивляло его прежде въ другихъ, выучился и улыбаться, и раскланиваться и понимать, что можно дѣлать веселое лицо, когда на душѣ не весело и все тѣло нсетъ и болить. Съ какой завистью теперь смотрѣлъ онъ на дѣтей, которыя приходили въ циркъ не ломаться и кривляться, какъ онъ, а хлопать ему и любоваться имъ.

Петруша богатый опять сидѣлъ въ ложѣ съ мамой и сестрами. Онъ съ восторгомъ аплодировалъ новому акробату, „малолѣтнему Пьеро“, и завидовалъ его ловкости и успѣхамъ. Пріѣхавъ домой, богатый Петруша усаживалъ сестеръ какъ зрителей и старался изобразить имъ видѣнныя штуки, а Петруша бѣдный,

не вымывъ даже раскрашеннаго личика, сбрасывалъ свой шутовской нарядъ и ложился на сѣнникъ въ полутемной коморкѣ: всѣ его члены ныли, въ головѣ шумѣло, и онъ тихо плакалъ, вспоминая, какъ одинъ только разъ былъ въ циркѣ среди публики со своей мамой и какъ тогда ему было хорошо.

Экъ.

Въ Виолеттѣ

Маленькая королева.

Когда семилѣтняя Мари-Анжель осиротѣла, ее взяла къ себѣ дальняя родственница ея матери, тетка Мобекъ, гладильщица. Квартира этой женщины состояла изъ крошечной кухни, такой же комнаты и сырого магазина, выходившаго на темную улицу.

Тяжелое время настало для Мари-Анжель! Она никогда не видѣла ни солнца, ни ласки. Г-жа Мобекъ не любила дѣвочки.

— Ты стоишь мнѣ слишкомъ дорого,—часто говорила она,— я бѣдна и лишній ротъ мнѣ въ тягость.

Но помимо этого гладильщица завидовала дѣвочкѣ. Ея собственныя дѣти—ихъ было четверо—не отличались красотой: у всѣхъ были толстые носы и большія торчащія уши, тогда какъ Мари-Анжель обладала ангельскимъ личикомъ. Ея черные волосы вились красивыми локонами, а прекрасные глаза смотрѣли не по лѣтамъ серьезно.

Дѣти Мобекъ тоже ненавидѣли дѣвочку и всячески мучили ее, тѣмъ болѣе, что мать поощряла всѣ ихъ выходки.

Сочельникъ сыгралъ важную роль въ жизни Мари-Анжель.

Стоялъ сильный морозъ; въ фонтанахъ замерзала вода, рѣзкій вѣтеръ дулъ прохожимъ въ лицо.

Въ кухнѣ Мобекъ былъ накрытъ столъ, вокругъ котораго въ полдень собралась вся семья. Дѣти занимали мѣста по старшинству. Возлѣ матери сидѣли: злая тринадцатилѣтняя Флавія, неуклюжій Дидье, Жюстинъ и Вильгельмъ. На дальнемъ концѣ стола было мѣсто Мари-Анжель.

Праздничный обѣдъ состоялъ изъ картофеля въ мундирѣ и большого куска поджареннаго сала. Послѣ обѣда гладильщица подала на столъ круглый пирогъ, сказавъ дѣтямъ:

— Сегодня день Королей. Раздѣлите между собой этотъ пирогъ. Въ немъ запеченъ бобъ.

Сама же она ушла въ магазинъ и принялась гладить бѣлье.

Флавія разрѣзала пирогъ на пять частей. Но такъ какъ ей хотѣлось быть королевой, то она взяла себѣ самый большой кусокъ. Мальчикамъ достались порціи поменьше, а на долю Мари-Анжель пришлось лишь тоненькій ломтикъ пирога.

Но, къ общему удивленію, бобъ оказался у Мари-Анжель. Дѣвочка вспыхнула отъ радости.

— Я—королева! Я—королева!—кричала она, хлопая въ ладоши.

— Ты?—злбно воскликнула Флавія.—Какъ бы не такъ! Ты не будешь королевой! Пока ты живешь въ нашемъ домѣ, ты должна слушаться насъ.

Бросившись къ дѣвочкѣ, Флавія грубо вырвала у нея бобъ, послѣ чего, вооружившись металлическимъ прутомъ отъ занавѣски, вскочила на стулъ и повелительно заявила:

— Сегодня царствую я... Вотъ мой жезлъ! Преклонитесь предъ Флавіей 1-й, королевой Андалузій и Оверни! Вниманіе! Я распредѣлю мѣста и назначенія. Ты, Дидье, силенъ какъ турокъ поэтому я назначаю тебя капитаномъ жандармовъ; ты, Жюстинъ, будешь министромъ юстиціи; тебѣ, Вильгельмъ, я поручаю управленіе почтой и телеграфомъ, а ты, Мари-Анжель, не будешь никѣмъ. Довольна ты?

Нѣтъ, бѣдная сверженная королева не была довольна. Заливаясь слезами, она не переставала повторять:

— Отдай мнѣ мой бобъ, Флавія 1-я!

— Если ты не замолчишь,—властно отвѣчала королева,—то увидишь, что будетъ!

— Бобъ... Отдай мой бобъ!

— Да это открытый бунтъ! Гдѣ министръ юстиціи?

— Здѣсь!—откликнулся Жюстинъ.

— Приказываю вамъ, г. министръ юстиціи, бросивъ все дѣла, немедленно отправиться къ начальнику почты и телеграфа и пе-

редать ему отъ моего имени, чтобы онъ сейчасъ же вызвалъ сюда депешей капитана жандармовъ.

Вмигъ денеша была доставлена капитану. Покрутивъ воображаемые усы и нахлобучивъ на голову бумажную треуголку, онъ предсталъ предъ королевой.

— Я жду приказаній моей повелительницы, — сказалъ онъ, кланяясь по-военному.

— Взять бунтовщицу Мари-Анжель и посадить ее въ темный уголъ!

Дидье схватилъ дѣвочку за руку, но она отбивалась такъ энергично, что ему пришлось позвать на помощь братьевъ и сестру. Поднялся ужасный шумъ, столъ и стулья полетѣли на полъ. Когда гладильщица вбѣжала въ комнату, начальникъ почтъ и телеграфа лежалъ подъ столомъ; красный, растрепанный капитанъ тащилъ свою плѣнницу въ уголъ; министръ юстиціи, скрежеща зубами, работалъ на всѣ стороны кулаками, а королева Андалузій и Оверни била жезломъ своихъ подданныхъ, не разбирая праваго и виноватаго.

— Что случилось, чертенята? — воскликнула тетка Мобекъ.

— Это все Мари-Анжель, — заявила Флавія. — Она хочетъ отнять у меня бобъ и не дастъ намъ играть. Она всѣхъ насъ искушала и испарала. Спросите моихъ братьевъ, лгу ли я.

— Это правда! — хоромъ подтвердили мальчики.

Молча подойдя къ Мари-Анжель, Мобекъ схватила ее за руку и вытолкнула на улицу.

— Не смѣй возвращаться домой, пока я не позову тебя! — крикнула она.

Дѣвочка покорно сѣла на тротуаръ и задумалась. Холодъ пронизывалъ ее, рѣзкій вѣтеръ обжигалъ ей лицо, но она не плакала, только сердце ея сильно билось.

Занятая своими грустными думами, она не замѣтила, какъ мимо нея прошла нарядно одѣтая, закутанная въ дорогіе мѣха, дама. При видѣ дѣвочки она остановилась, внимательно оглядѣла ее и прошептала:

— Вотъ модель, которую я такъ давно ищу!

Затѣмъ она обратилась къ Мари-Анжель:

— Что ты здѣсь дѣлаешь въ такую погоду?

— Меня выгнали на улицу.

— Кто? Твоя мать?

— У меня нѣтъ матери.

— Гдѣ же ты живешь?

Дѣвочка указала квартиру гладильщицы. Дама вошла въ нее и черезъ минуту вышла въ сопровожденіи тетки Мобекъ.

— Конечно, вы можете взять ее къ себѣ на одинъ день, — со злобой сказала гладильщица. — Будьте увѣрены, что мы не станемъ плакать о ней. Я была бы счастлива, если бы кто-нибудь навсегда избавилъ меня отъ этой обузы.

Усадивъ Мари-Анжель въ карету, незнакомка увезла ее къ себѣ. Дома она отогрѣла и накормила дѣвочку. Затѣмъ малютку одѣли въ дорогое шелковое платье, сдѣлали ей пышную прическу, возложили на голову маленькую золотую корону и дали въ руки великолѣпную красную розу.

Тѣмъ временемъ дама придвинула къ окну мольбертъ съ большимъ полотномъ, на которомъ былъ набросанъ эскизъ великолѣпнаго тѣнистаго парка съ расчищенными, уставленными статуями, дорожками, ведущими къ красивому дворцу. На первомъ планѣ у бассейна съ лебедями стояла дѣвочка, роскошно одѣтая, но съ едва намѣченнымъ лицомъ.

Взявъ палитру и краски, дама поставила Мари-Анжель на табуретъ и сказала ей:

— Выпрямись, милочка, и прими гордый видъ. Ты уже не Мари-Анжель, а дочь испанскаго короля Филиппа II и гуляешь въ садахъ Эскаріала. Будь же величественна, маленькая королева!

По окончаніи сеанса художница поцѣловала натурщицу и сунула ей въ руки золотой.

— Горничная проводить тебя домой, — сказала она.

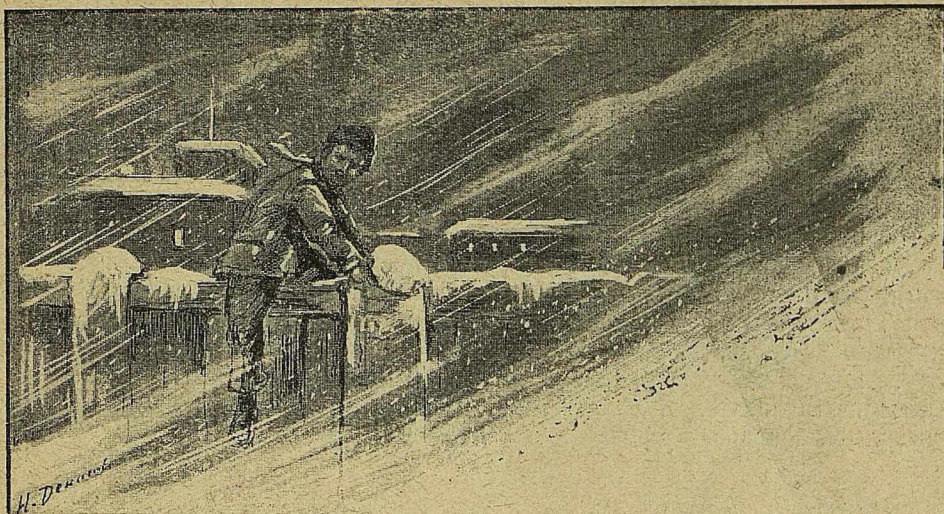
Дѣвочка ничего не отвѣтила, но украдкой отерла слезы. Замигивъ это, дама задумалась.

— Ну, такъ оставайся у меня до окончанія картины, — рѣшила она послѣ минутнаго колебанія.

Художница проработала цѣлыхъ три мѣсяца и за это время успѣла такъ полюбить Мари-Анжель, что однажды заявила ей:

— Семь Мобекъ ты совсѣмъ не нужна, зато нужна мнѣ. Будемъ жить вмѣстѣ, прекрасная инфанта!

Перевела Е. В. Богдановская.

Елка маленькой Лили

(Рассказ).

Черезь два дня Рождество.

Вчера и сегодня такая закрутила метель, какой не запомнят жители маленького забытого поста Эйе-Ленда. Вся обширная равнина къ западу отъ Бостона покрыта бѣснующимися свѣжными гигантами. Подъ дикое завываніе вѣтра они танцуютъ, бросаются другъ на друга, разсыпаются, поднимаются снова, кружатся въ самой фантастической пляскѣ. Дороги занесены; сообщеніе прервано. Миляхъ въ 150-ти къ югу бѣгутъ поѣзда на Альбани, свѣтятся огоньки, двигаются люди; но въ этомъ пустынномъ уголкѣ все, казалось, погребено подъ снѣгомъ. Поселокъ замеръ. Вьюга поетъ погребальныя пѣсни, а свѣжные смерчи хозяйничаютъ на пустынной улицѣ.

Въ концѣ поселка, на небольшой возвышенности, чернѣютъ стѣны бывшей крѣпости, теперь, — увы! — тюрьмы.

Въ ту минуту, когда изъ поселка донесся дребезжащій бой въ доску 12-ти часовъ ночи, на стѣнѣ появился человѣкъ. Въ томъ мѣстѣ стѣны приходилась надъ обрывомъ, и часовыхъ у подножья ея не было. Человѣкъ, сидя верхомъ на стѣнѣ, проворно потянулъ къ себѣ веревку, по которой только-что влѣзъ, и перекинулъ ее на наружную сторону. Порывъ вѣтра и обрушившійся на него смерчъ едва не сорвали его со стѣны, но онъ удержался. Въ ту минуту, когда онъ перекинулъ ногу, чтобы повиснуть на веревкѣ, отъ пояса

его оторвался большой узелъ и упалъ внутрь крѣпости. У человѣка вырвался крикъ; на минуту онъ задумался, потомъ быстро скользнулъ по веревкѣ, дернулъ ее за собой и, сматывая ее на ходу, бросился шгаать по сугробамъ.

Ночная тьма, метель помогли ему; потеря узла грозила погубить его.

— Ну, Никъ,—сказалъ онъ себѣ,—пожалуй, ты лучше сдѣлалъ, если бы вернулся: въ узлѣ осталась пища и толстая попона. Теперь нечѣмъ укрыться и нечего есть. Посмотримъ, какъ ты выкрутишься. Ахъ, Никъ,—утѣшиль онъ себя,—свобода—чудная вещь!

Въ эту минуту онъ увязъ по поясъ въ снѣгъ и едва выбрался. Онъ остановился, оглядѣлся вокругъ. Мракъ и метель! Нѣтъ, въ такое время и думать нечего уходить отъ Эйе-Ленда куда-нибудь; но и туда тоже нельзя: въ поселкѣ всѣ жители на-перечетъ. Куда же? Никъ свернулъ въ сторону и пошелъ въ обходъ. По окраинамъ обошелъ почти половину городка, утопая въ снѣгу. Обезсиленный, озябшій, добрался онъ до склада каменнаго угля и дровъ и, разыскавъ обвалившійся навѣсъ, укрылся подъ нимъ.

* * *

Утромъ въ крѣпости поднялась суматоха. Никъ Риверсъ бѣжалъ, не дожидаясь, пока его доставятъ въ Бостонъ для суда.

Въ снѣгу, у стѣны нашли узелъ съ небольшимъ запасомъ провіанта и похищенной попоной. Замокъ камеры оказался отпертымъ.

По большой холодной комнатѣ, похожей на канцелярію, быстро ходилъ взадъ и впередъ инспекторъ тюрьмы. Онъ пожималъ плечами, въ волненіи размахивалъ руками.

Передъ нимъ съ блѣднымъ лицомъ и трясущимися губами стоялъ тюремщикъ Сайксъ.

— Хорошую штуку вы мнѣ преподнесли!—кричалъ инспекторъ.—Недурной сюрпризъ къ празднику! Вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ!—остановился передъ нимъ.—Если Риверсъ не будетъ найденъ, это грозитъ мнѣ если не увольненіемъ, то, по меньшей мѣрѣ, переводомъ въ еще худшую яму, чѣмъ вашъ Эйе-Лендъ! Вы понимаете это?..

Сайксъ слушалъ съ отчаяніемъ на лицѣ, беспомощно моргая глазами.

— И не я одинъ, и вы пострадаете! Вы понимаете это, Сайксъ? Вы не арестованы только потому, что я увѣренъ, что вы непричастны къ этому дѣлу, что ваша прошлая служба ручается за васъ, но если Риверсъ не будетъ найденъ, вѣдь все равно вы идете подъ судъ! Вѣдь у васъ семья!..

Инспекторъ, не будучи въ силахъ продолжать, снова забѣгалъ по комнатѣ.

Голова Сайкса подъ бременемъ обрушившагося несчастья опускалась все ниже.

— Одного понять не могу,—началъ опять инспекторъ,—какъ вы могли не запереть камеры?

— Мнѣ казалось, я заперъ... господинъ инспекторъ...

— Ничего не понимаю! О чемъ вы думали?

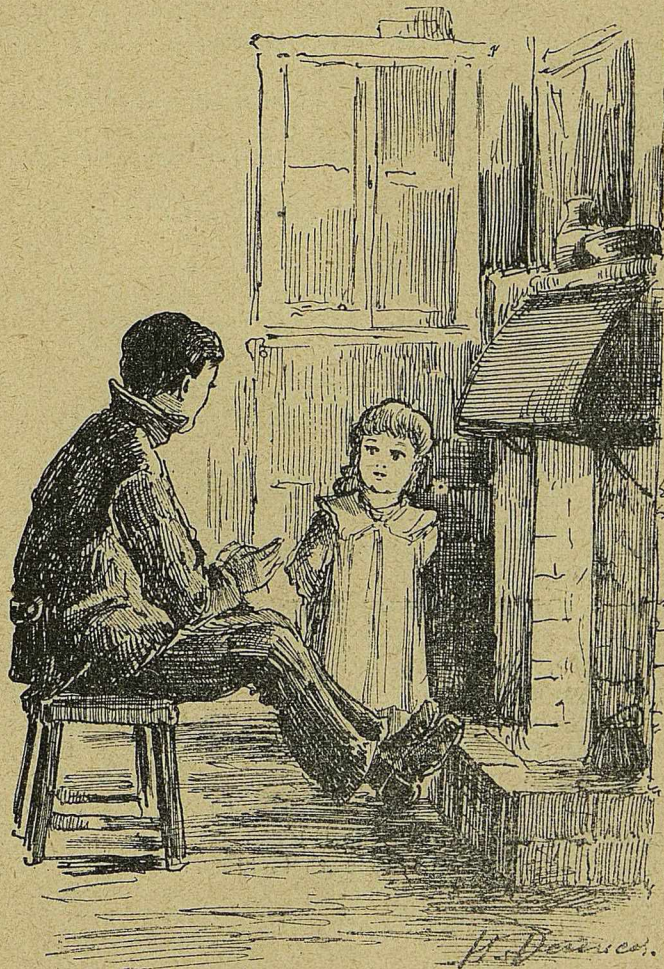
Сторожъ поникъ головой и прошепталъ едва слышно:

— О, Лили!

— Что такое? — изумился инспекторъ. — Что вы говорите?

— Лили, говорю я... дочка моя... была больна, когда я шелъ въ поселка на дежурство...

— Что такое? Какая Лили, когда дѣло идетъ о службѣ? — онъ хотѣлъ еще

закричать, но почему то смутился, глядя на этого убитого человѣка, и мягче добавилъ: — Ну, идите Сайксъ. Молите, кого хотите, чтобы судьба вернула Риверса! Вы знаете, если бы я и хотѣлъ, я не въ силахъ спасти васъ отъ суда...

Сайксъ вышелъ, онъ былъ свободенъ; онъ шелъ домой медленно, шагъ за шагомъ, понуривъ голову. Вѣдь онъ несъ съ собой вѣсть о собственной гибели, разореніи семьи, нищетѣ!

— Томъ, что съ тобой? — поднялась при взглядѣ на него испуганная жена. Онъ не отвѣчалъ.

— Значить, правда... Рассказываютъ, арестантъ убѣжалъ...

— А что Лили? — не слушая, перебилъ Сайксъ.

— Ты, папа, пришелъ? — раздался дѣтскій голосокъ. Изъ-за старой занавѣски кровати выглянуло прелестное худенькое личико, обрамленное золотистыми кудрями. Ея большіе темные глазки остановились на отцѣ, а маленькія бѣленькія ножки скользнули съ кровати на полъ.

— Ей лучше, Томъ, много лучше. Лилька, куда ты? Подбери ножки! Опять простудилъ! — крикнула мать.

— Я совсѣмъ здорова, папа, — сказала дѣвочка, послушно завертываясь въ одеяло.

— Что же теперь будетъ съ нами, Томъ, скажи? — продолжала жена.

— Ну, что будетъ? Иду подѣ судѣ, лишаюсь мѣста... Ну, если и не осудятъ меня строго, потому что и Риверсъ-то неизвѣстно, насколько виновенъ. Это выяснилось бы при пересмотрѣ дѣла въ Бостонѣ. — Но за одно ручаюсь: службы мнѣ не видать какъ ушей своихъ. Значить, впереди нищета и голодъ!

— Но, Томъ, не надо унывать. Можетъ быть, найдешь...

— Другое мѣсто, ты хочешь сказать? — раздражительно перебилъ Сайксъ. — Сама догадайся, много ли найдется охотниковъ взять на службу бывшего тюремника, да и оттуда выгнаннаго!

Вѣдняя опустила голову на руки и задумался.

Печальнымъ былъ этотъ день въ домѣ Сайкса.

Лили долго слушала разговоры отца съ матерью, и личико ея омрачилось.

— Папа, — послышался ея голосокъ, — скоро будетъ Рождество, послѣ завтра...

Отецъ не отвѣчалъ.

— А елка будетъ? И куклу мы съ мамой видѣли у Монкса...

Сайксъ подошелъ къ дѣвочкѣ, опустился подлѣ нея на колѣни и обхватилъ ея худенькое тѣлце. Въ порывѣ горя онъ заговорилъ:

— Дѣтка моя, не будетъ у насъ теперь... ничего не будетъ! Нѣтъ у насъ ни праздника, ни елки, ни радости!.. Горемычные мы съ тобой, дѣтка, милая!

— И меня, можетъ быть, скоро не будетъ здѣсь, — мелькнула у него мысль. Сайксъ уронилъ голову и зарыдалъ; за нимъ заплакала Лили.

Утромъ послѣ безсонной ночи Сайксъ уныло побрелъ въ крѣпость. Что онъ ожидалъ тамъ найти? Метель скрыла всѣ слѣды Риверса. На возвращеніе его не было никакой надежды. Онъ шелъ машинально и плохо сознавая зачѣмъ.

* * *

Цѣлыя сутки прятался Никъ на задворкахъ поста. Метель не стихала. Онъ согрѣвался только движеніемъ. Голодъ становился мучительнымъ... На что онъ могъ рассчитывать? На тихую, ясную погоду и случайную пищу, чтобы можно было продолжать путь, — трудно было надѣяться. Вѣрнѣе всего, онъ держался энергіей молодого сильнаго тѣла.

Къ ночи Никъ совсѣмъ окоченѣлъ. Зубы стучали, руки, ноги едва могли разогнуться. Голодъ причинялъ боль. Наконецъ, онъ не выдержалъ; быстрыми

шагами выбрался въ поселокъ, подошелъ къ первому попавшемуся дому. Ударомъ ноги отворилъ въ него дверь. Теплая атмосфера охватила его; онъ оставился среди комнаты и оглядѣлся. Она казалась ему пустою. Нѣтъ, передъ нимъ явилась маленькая дѣвочка съ золотыми волосами и большими глазами.

— Вы къ намъ?—сказала она.—Папы нѣтъ, онъ ушелъ въ крѣпость. Мама пошла къ Монксамъ.

Никъ стоялъ молча.

— Вы озябли?—сказала Лили.—Садитесь, погрѣйтесь.

Никъ послушно шагнулъ къ очагу и тяжело опустился на табуретъ. Тепло охватило все существо; онъ, казалось, начиналъ оттаивать; ноги и руки приобрѣли гибкость. Онъ придвинулся еще ближе къ огню.

Дѣвочка съ любопытствомъ смотрѣла на него.

— Вы очень озябли?—сказала она.

Онъ не отвѣчалъ.

— Папы нѣтъ,—опять сказала дѣвочка и, немного погодя, добавила:—У насъ не будетъ нынче Рождества,—и вздохнула.

Никъ машинально повторилъ:

— Не будетъ?

— Не будетъ,—оживилась дѣвочка. Ей такъ хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ. —Ничего не будетъ: ни праздника, ни Рождества, ни елки, ни куклы, какую мы видѣли у Монксовъ. Ничего... У папы ушелъ арестантъ; его будутъ судить... потомъ мы будемъ дѣлать разореніе и нищету... и еще будемъ умирать съ голоду...—послѣднія слова дѣвочка досказала самымъ беззаботнымъ голоскомъ...—А вы когда-нибудь умирали съ голода?

— Я и сейчасъ умираю отъ голода,—сился улынуться, сказалъ Никъ.—Нѣтъ ли у тебя, малютка, чего-нибудь? Кусочка хлѣба?

— Есть,—рѣшительно сказала Лили, быстро вскарабкалась на другую табуретку и достала изъ шкафа хлѣбъ;—и еще сыръ есть!—сказала она, подавая все это гостю. —Лучше поѣсть хорошенько, чѣмъ умирать съ голоду,—серьезно добавила малютка.

Никъ принялся усердно за ѣду, а дѣвочка не переставала болтать, рассказывать о папѣ, мамѣ, объ елкѣ, о своихъ горестяхъ.

Оправившійся Риверсъ теперь внимательно слушалъ ее и даже выражалъ ей сочувствіе. Подъ конецъ у дѣвочки появились на глазахъ слезинки.

— Всѣхъ жалко,—сказала она:—и папу, и елку, и маму, и меня, и арестанта...

— Какъ?—удивился Никъ.—И арестанта жалко?

— Да. Мамочка сказала, что онъ все равно замерзнетъ въ такую метель.

Никъ улыбнулся и поднялся съ табурета.

— Ну, мнѣ пора, малютка.

— А маму не подождете?

— Нѣтъ. Я въ другой разъ зайду. А ты, Лили, иди лучше въ постель, ты сама говорила, что была больна. Ну, маршъ!

Дѣвочка послушно ушла на кровать, а Никъ круто повернулся и вышелъ изъ домика.

Метель утихла; небо казалось чернымъ; на немъ зажигались звѣзды.

Риверсъ постоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, посмотрѣлъ на небо, на сумрачную даль равнины, махнулъ рукой и рѣшительно повернулъ къ крѣпости.

Когда онъ подходилъ къ воротамъ тюрьмы, онъ вдругъ одумался; ему представился торжественный пріемъ, который его ожидаетъ, и это вызвало въ немъ досаду.

Потомъ улыбка появилась на лицѣ Ника. Онъ отогрѣлся, насытился, почувствовалъ себя бодрымъ, сильнымъ; молодость брала свое. Онъ всегда былъ оригиналомъ. Никъ круто повернулъ вправо, побрелъ снова по сугробамъ и скоро добрался до той части стѣны, гдѣ перелѣзалъ, убѣгая. Онъ вынулъ ту же веревку, въ два приѣма закинулъ ее на верхній выступъ стѣны и взобрался по ней.

Никто не видѣлъ, какъ онъ спустился внутрь крѣпости, пробрался черезъ пустую караулку, миновалъ двѣ двери, дремавшаго сторожа и, наконецъ, оказался въ корридорѣ, подлѣ дверей своей камеры. Онъ тронулъ дверь рукой; она отворилась. Пустая камера не была заперта.

Никъ Риверсъ громко засмѣялся.

— Или они растерялись послѣ моего ухода, или сговорились не замѣчать моего возвращенія! Нѣтъ, какова судьба, которая такъ бережно охраняла меня при возвращеніи и отняла узелъ при выходѣ!

Съ этой мыслью Никъ улегся на койку и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Рано утромъ бродилъ Сайксъ по крѣпости послѣ безсонной ночи. Выраженія сочувствія и сожалѣнія сослуживцевъ были ему тягостны. Онъ направился по корридору и задумчиво остановился передъ камерой Риверса.

„Вотъ въ эту дверь ушло мое спокойствіе—благополучіе семьи, все“... Сайксъ отворилъ дверь.

Передъ нимъ лежалъ Риверсъ и смотрѣлъ на него во все глаза.

Сайксъ понятился.

— Мис... мистеръ Риверсъ...—заплетающимся языкомъ проговорилъ онъ;— вы... вы здѣсь?..

— Да,—спокойно отвѣтилъ Никъ.— Я, Риверсъ, здѣсь... до отъѣзда въ Бостонъ.

— Но, но... вчера... третьяго дня васъ не было... Господинъ инспекторъ...

— Это ошибка, Сайксъ,—перебилъ Никъ;—и вчера, и третьяго дня я все время былъ здѣсь, и если вы или инспекторъ не видали меня, это я приписываю вашей невнимательности ко мнѣ, и если господинъ инспекторъ будетъ васъ увѣрять въ чемъ-либо подобномъ...

— Но, мистеръ Риверсъ!

Никъ шутилъ, а Сайксъ, обезумѣвшій отъ счастья, ничего не понималъ. Онъ бросился къ Нику.

— Ахъ, добрый мистеръ Риверсъ! Если-бъ вы знали, какъ я счастливъ!.. Мнѣ очень больно это вамъ говорить, но я такъ радъ! Я спасенъ! Моя семья... не правда ли, вы вернулись совсѣмъ? Вы были такъ добры... вы, можете быть, пожалѣли меня?.. Ахъ! если-бъ вы знали, какъ я счастливъ! Если бы я могъ чѣмъ-нибудь услужить! Я такъ благодаренъ!—Сайксъ задыхался отъ волненія.

Никъ сѣлъ на койку.

— Вы въ самомъ дѣлѣ, Сайксъ, такъ благодарны и хотѣли бы что-нибудь для меня сдѣлать?

— О, мистеръ Риверсъ!..

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ принесите мнѣ чистый бланкъ заявленія, перо и чернила; но пока я не разрѣшаю вамъ говорить кому-нибудь объ этомъ. Сайксъ кинулся сломя голову.

Увидѣвшіе его въ конторѣ рѣшили, что Сайксъ помѣшался съ горя.

Черезъ минуту Сайксъ принесъ требуемое.

Риверсъ быстро написалъ и подписалъ бумагу.

— Итакъ, Сайксъ, вы обѣщаете исполнить мою просьбу?

— О, мистеръ Риверсъ, клянусь!..

— Вѣрю. Ну, дѣло въ томъ, что въ конторѣ вмѣстѣ съ вещами хранятся мои собственные двѣсти долларовъ золотомъ. Я написалъ расписку въ полученіи изъ нихъ двадцати пяти, которые прошу передать вамъ.

— Мнѣ!?

— Да. На эти деньги вы должны устроить елку для Лили.

— Елку... Лили?..

— Да. Только чтобы кукла непременно была какъ у Монсовъ или Моксовъ,—я уже забылъ, но Лили это лучше знаетъ.

— Но, господинъ Риверсъ!..

По лицу Сайкса текли слезы.

— Помните, Сайксъ, вы обѣщали... — повторилъ Риверсъ.

Въ это Рождество Лили была счастлива.

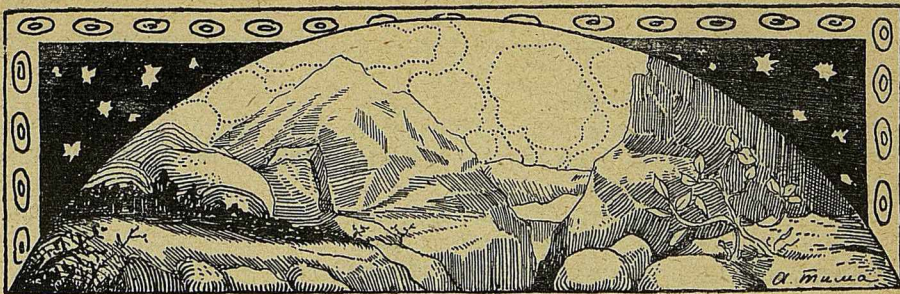
Спустя мѣсяцъ въ газетахъ Бостона появилось описаніе пересмотра дѣла Риверса. Вина Риверса была незначительна; онъ былъ помилованъ президентомъ. Черезъ годъ, передъ Рождествомъ, въ домъ Сайкса былъ полученъ почтою билетъ въ сто долларовъ:

„Для устройства елки Лили; но чтобы кукла была теперь лучше, чѣмъ у Коксовъ или Поксовъ!“

Такъ Никъ Риверсъ и не могъ zapomнить эту фамилію, гдѣ водятся хорошія куклы.

Дени.

Звѣзда волхвовъ.

Въ то время, когда въ Виѳлеемѣ родился Младенецъ Христосъ, въ Іерусалимъ пришли откуда-то никому неизвѣстные люди и спрашивали, гдѣ родившійся царь іудейскій. Никто не могъ указать имъ мѣста рожденія Младенца, но все же эти люди прибыли въ Виѳлеемъ, нашли пещеру, въ которой находился Христосъ, поклонились ему и отправились обратно на свою далекую родину.

Такъ говоритъ евангельская исторія о поклоненіи Христу трехъ волхвовъ.

Но много народныхъ легендъ существуетъ о путешествіи съ Востока въ Іудею трехъ волхвовъ. Въ нихъ подробно разсказывается о томъ, кто они были, гдѣ встрѣтились другъ съ другомъ, какъ и гдѣ провели свою жизнь, вернувшись изъ своего путешествія... Преданіе сообщаетъ даже и имена ихъ: Каспаръ, Мельхіоръ и Вальтасаръ. Въ иныхъ же легендахъ волхвы из-

ображаются въ видѣ царей, прибывшихъ въ Іерусалимъ съ блестящей свитой въ тысячу человекъ и съ отрядомъ войска, но все это — только легенды. На самомъ дѣлѣ то были просто люди, изучавшіе движеніе звѣздъ. Наука о звѣздахъ всегда интересовала людей и на Востока ея занимались еще во времена сѣдой древности, а среди всѣхъ другихъ «звѣздочетовъ» особенно славились ассири-вавилонскіе или, какъ ихъ еще называютъ, халдейскіе.

Увидѣвъ необыкновенной яркости звѣзду, мудрецы рѣшили, что она указываетъ на то, что родился какой-то замѣчательный человекъ, жизнь котораго не можетъ быть такой, какъ жизнь другихъ людей...

«Вѣроятно же всего, что это будущій царь», — рѣшили волхвы и собрались въ далекій путь, чтобы поклониться Младенцу — Царю. И путь свой они держали къ западу, гдѣ горѣла необычайная звѣзда.

Вопросомъ о томъ, какая звѣзда, привела волхвовъ въ Вифлеемъ, черезъ много вѣковъ спустя заинтересовались ученые астрономы.

Продолжительныя изслѣдованія привели ихъ къ такимъ выводамъ: какъ разъ въ годъ, предшествовавшій рожденію Христа, произошло очень рѣдкое сочетаніе двухъ яркихъ планетъ Юпитера и Сатурна. Оно и обратило на себя вниманіе халдейскихъ мудрецовъ.

Въ слѣдующемъ же году къ этимъ двумъ планетамъ присоединилась еще планета Марсъ.

Наблюдая такое рѣдкое соединеніе трехъ планетъ, волхвы и рѣшили, что оно означаетъ собою рожденіе царя. Произошло это въ

748 году по основаніи города Рима, т.-е. какъ-разъ въ томъ году, когда родился Христосъ.

Эта-то звѣзда или, вѣрнѣе, соединеніе трехъ планетъ въ одномъ созвѣздіи, и привело халдейскихъ мудрецовъ въ Вифлеемъ.

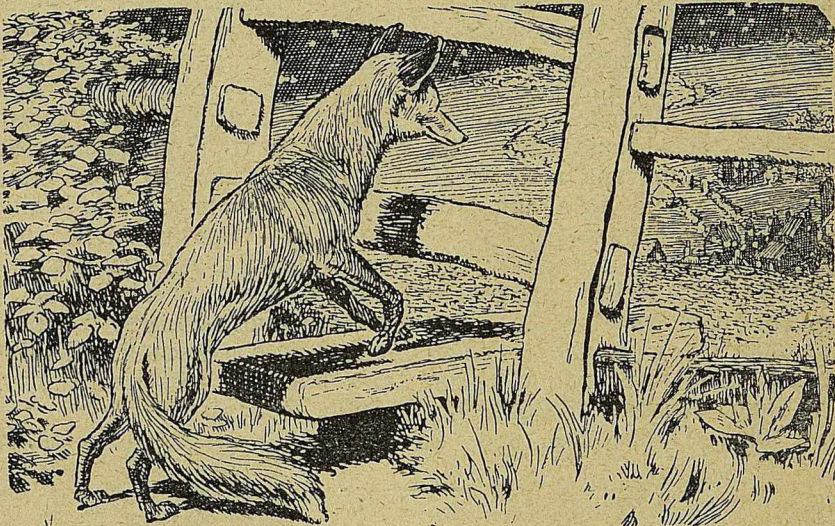
Наши ученые, астрономы, въ честь трехъ мудрецовъ назвали «Тремя волхвами» три звѣзды въ самомъ красивомъ созвѣздіи нашего неба—«Оріонъ». Эти три яркія голубоватыя звѣзды, такъ хорошо видимыя въ зимнія ночи, всегда напоминаютъ намъ о трехъ волхвахъ и о чудесной звѣздѣ, которая привела ихъ въ пещеру Младенца Христа.

Л. И. А.

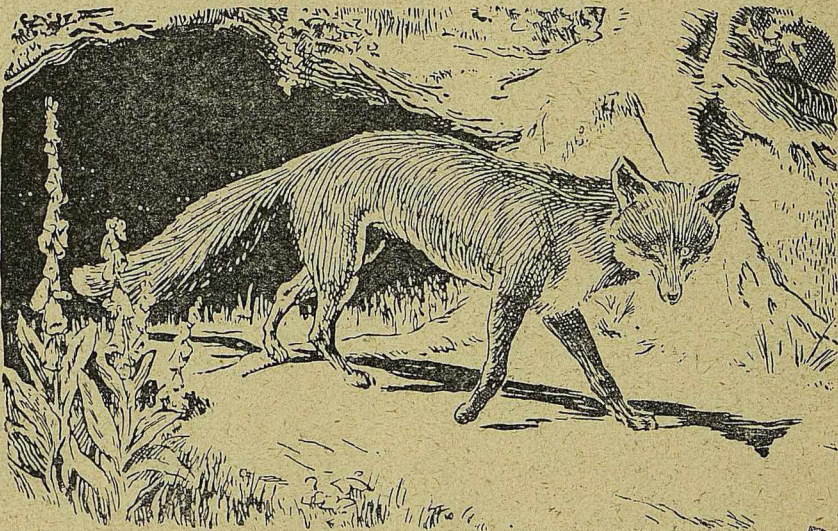
Волхвы

Праздникъ у лисицы.

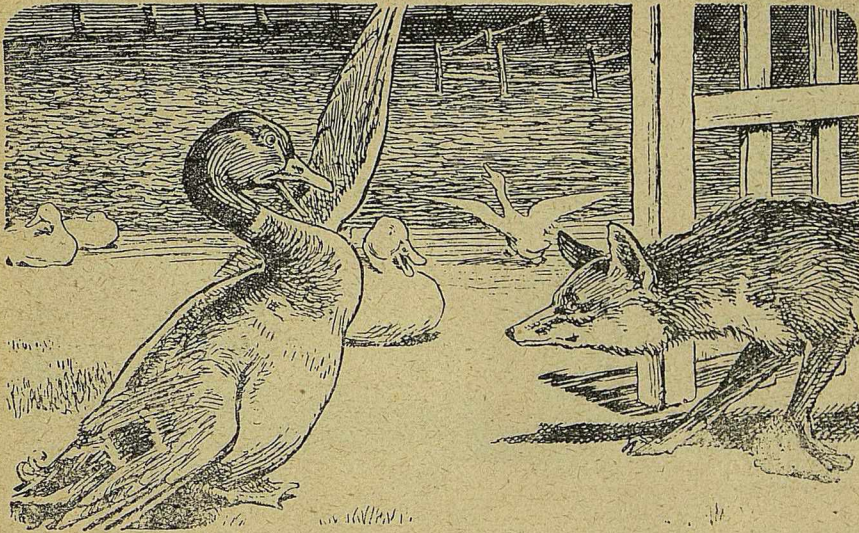
Веселый праздникъ на носу,
Но голодъ мучаетъ лису.

Надъ всей землею торжество,
Всѣмъ нуженъ гусь на Рождество.

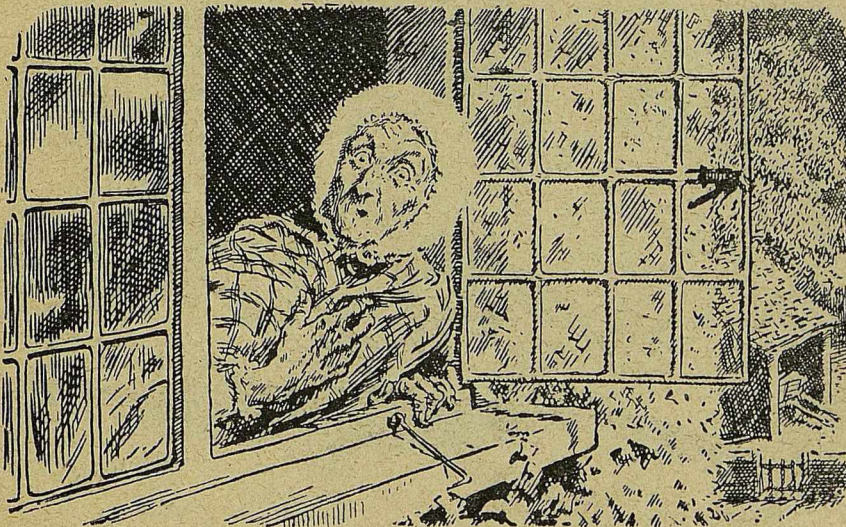
Блестятъ ночные огоньки
Въ деревнѣ, легишей близъ рѣки.

На огоньки лиса глядитъ,—
Какъ возрастаетъ аппетитъ!

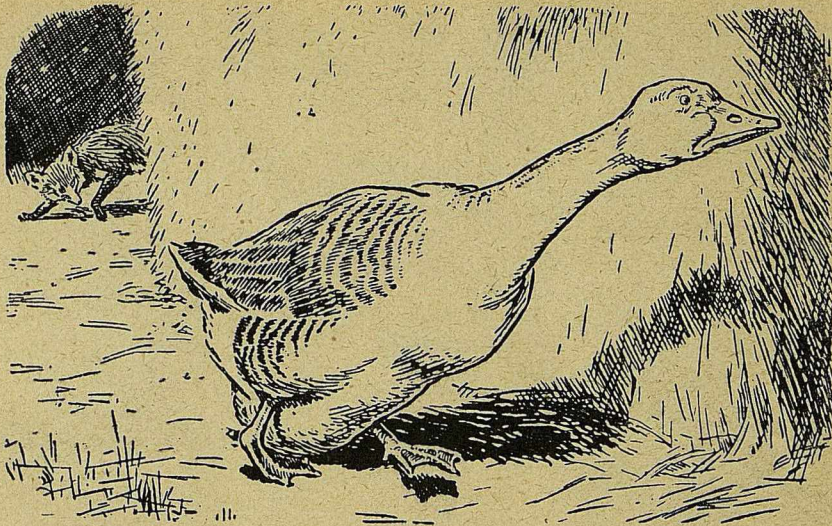
Лиса, зайдя на птичій дворъ,
Вступила съ уткой въ разговоръ:

— Васъ люди скушаютъ мадамъ.
Вамъ отъ людей спастись я дамъ.

Къ себѣ васъ въ норку отнесу
И жизнь цвѣтущую спасу...

Утинный слышитъ крикъ вдова,
Сама отъ страха чуть жива.

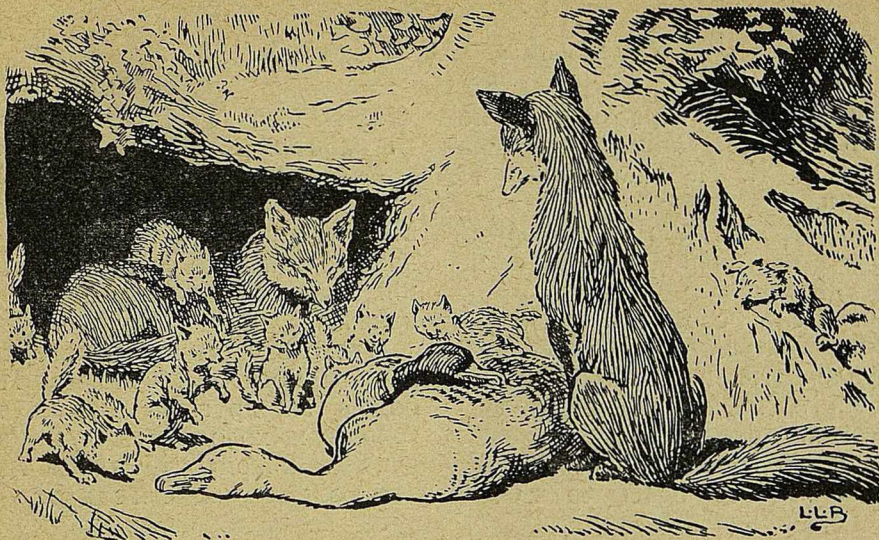
Взгляните, какъ испуганъ гусь.
За нимъ лиса: „Дружокъ, не трусь!

Бѣжимъ, бѣжимъ! Спасу, любя,
Чтобъ не изжарили тебя!“

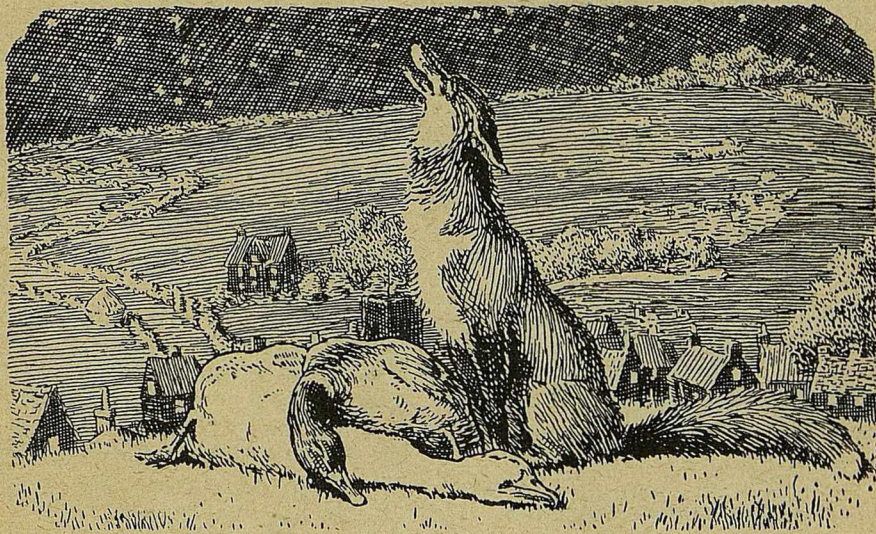
Хозяинъ, бросившись на крикъ,
Самъ въ западню попался въ мигъ.

И крикъ, и вопль. А вдалекъ
Сидитъ лиса на бугоркѣ.

Предъ нею утка съ гусакомъ
Лежатъ загрызены ничкомъ.

— Ну-съ, праздникъ, — взоръ плутовки
тихъ, —
У насъ советъ какъ у другихъ.

Визжа отъ радости, въ лѣсу
Лисята встрѣтили лису.

Надъ всей землею торжество:
Всѣмъ будетъ гусь на Рождество.
Самъ-съ-усамъ.

О КНИГАХЪ.

Школьная елка. Праздничный подарокъ дѣтямъ. **Собр. Я. Н. Ураловъ.** Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 25 к.

Это дѣйствительно праздничный подарокъ не только для дѣтей, но и для учителей.

Составленъ сборникъ довольно умѣло, и матеріаль, предлагаемый г. Ураловымъ, не тотъ, который такъ «пріѣлся» на школьных «вечерахъ» и «утрахъ».

Среди святочныхъ рассказовъ нужно отмѣтить изящную сказку В. І. Дмитріевой «Елка въ лѣсу» и рассказъ В. Ч. «Со звѣздой». Удачно подобраны стихотворенія и легенды. Безусловно хороша мысль составителя—дать въ своемъ сборникѣ и нѣсколько украинскихъ «колядокъ». «Колядки» выбраны интересные и мелодичныя «А в нашого хозяіна», «Ой сів Христе»... Даны въ сборникѣ также дѣтскія сценки, живыя картины и игры и забавы...

Обиліе и разнообразіе матеріала дѣлаетъ сборникъ интереснымъ и хорошимъ праздничнымъ подаркомъ.

Изданъ сборникъ книгоиздат. К. И. Тихомирова хорошо, но цѣна (1 р. 25 к.) нѣсколько высока, тѣмъ болѣе, что такой сборникъ особенно былъ бы кстати въ сельской школѣ.

—ичъ.

Вас. Немировичъ-Данченко. По привольямъ—по бездолямъ. Очерки и рассказы для старшаго возраста.

ста. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Ц. въ папкѣ 1 р.

Уже само заглавіе книжки говорить о томъ, о чемъ рассказываетъ авторъ въ своихъ очеркахъ... Описанію людскихъ страданій и невзгодъ посвящена эта книжка...

Нѣсколько рыбаковъ на обломкѣ льдины носятся по морю. Идутъ одинъ за другимъ дни и ночи, голодь и холодъ уносятъ одного рыбака, потомъ другого... Акулы, эти морскіе хищники слѣдомъ плывутъ за льдиной и подбираютъ трупы... Только одинъ былъ спасенъ, и рассказъ «Затерянные въ океанѣ»—рассказъ его самого о дняхъ ужаса и смерти... Рассказы «У плеса» и «Морская драма» говорятъ о томъ же—о человѣческомъ бездольт... Нѣсколько особнякомъ стоитъ только рассказъ «Приключенія коровьяго сѣдла»—изъ эпохи послѣдней русско-турецкой войны. Въ послѣднемъ же рассказѣ, «Иванъ Бродяга», авторъ знакомитъ читателя съ тяжелой жизнью «Ивановъ, родства не помнящихъ». Рассказы написаны интересно, живымъ и легкимъ языкомъ и, безъ сомнѣнія, прочтутся юными читателями съ громаднымъ интересомъ. Всѣ очерки и рассказы иллюстрированы. Эта, хорошо изданная и сравнительно недорогая, книжка можетъ служить хорошимъ святочнымъ подаркомъ дѣтямъ «старшаго возраста».

Л. А.

Издатель Акціон. О-во печатн. и издательск. дѣла „Моск. Издат.“. Редакторъ Г. А. Іовенко.

Типографія Акціонерн. О-ва „Московск. Издательство“, Б. Дмитровка, 26.

Самый дешевый, еже-
дневно, доступный
широкой массе чите-
лей, издающийся ше-
стой годъ

Открыта подписка на 1913 годъ.

Н О В Ы Й

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ

2 руб. 20 к.
въ годъ.

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ

сотрудниковъ **беллетр. отд.**: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, И. Бу-
нинъ, В. Вересаевъ, О. Дымовъ, В. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондуруш-
хинъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ, гр. А. Толстой, Танъ,
Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ, и др.; **научно-попул. и критич. отд.**: проф. Е. Аничковъ, П. Бер-
линъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Е. Колтоновская, Н. Лер-
неръ, А. Луначарскій, Н. Рубакинъ, акад. Д. Овсянко-Куликовский, проф. И. Озеровъ, проф.
В. Сперанскій, проф. Е. Тарле, пр. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгельгардтъ, К. Чуковский и др.
НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 12** книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стихи, статьи по во-
просамъ науки, искусства, самообразованія, педагогики, исторіи, ре-
цензии о новыхъ книгахъ и проч.
6 книгъ безплатн. прилож., по 128 стр. каждая, въ которыхъ будутъ даны про-
изведенія современ. извѣстныхъ иностранныхъ писателей: Уптона Син-
клера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Михаэлисъ, Як. Вассерманна и др.
12 картинъ безпл. приложенія въ три краски, на веленовой бумагѣ: снимки
съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и портреты писателей. Размѣръ
каждой картины—форматъ страницы журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Подробные проспекты со списк. сотрудниковъ безпл. Пробные №№
за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и
почтов. отдѣл. Имперіи. Всѣ обязательства за 1912 г. выполнены.
АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕЗОВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр. 19,
„Новый Журналъ для Всѣхъ“. Ред.-изд. И. М. Розенфельдъ.

Открыта подписка на 1913 годъ.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

4 р. 90 к.
БЕЗЪ ПРИЛОЖ.
7 р. 20 к.
съ 12 кн. прилож.

На самый дешевый изъ
толстыхъ ежемѣс. журн.,
до 300 стр. уборист.
шрифта, при участіи
лучш. литературн. силъ.
4-ый годъ изданія.

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ

сотрудниковъ **беллетр. отд.**: Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ,
Д. Айзмана И. Бунинъ, В. Вересаевъ, З. Гиппиусъ, С. Городецскій,
Д. Мережковский, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А. Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сер-
гѣевъ-Ценскій, Эдвардъ Сологубъ, гр. А. Н. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др.
Общест.-полит., критич. и научн. отд.: проф. Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальдъ, В. Агафоновъ,
П. Берлинъ, С. Венгеровъ, Л. Клейнбортъ, Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ,
Н. Рубакинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К. Чуковский, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ и др.
НА 1913 ГОДЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 12** книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напечатаны романы: А. Кран-
дѣвской, И. Потапенко, фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы
выдающ. иностран. писат., повѣсти, рассказы, статьи по вопросамъ литер.,
науки, искусства, общ.-полит. и проч.
12 книгъ безпл. прил. полн. собр. соч. попул. **Джека Лондона**
америк. беллетр., въ единств. авторизов.
пер. І. А. Маевского, съ біогр. и портрет.,
стояющ. въ отд. продажъ—16 р. 12 книгъ сост. свыше 3840 стран. текста.

ЦѢНА: на 1 годъ—7 р. 20 к. на полгода—4 р.

(Разср.: 3 р.—при подп., 2 р. 20 к.—1 марта и 2 р.—1 іюля).

Безъ прилож.: на 1 годъ—4 р. 90 к., на полгода—2 р. 70 к. (Разср.: 3 р. при подп. и 1 р. 90 к.—1 іюля).

СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА

на „Новый Журн. для Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ (съ прилож.) на 1 годъ—9 р. (Разср. 4 р.—при
подп., 3 р.—1 мар. и 2 р. 1 іюл.). На „Нов. Журн. для Всѣхъ“ (съ прил.) и „Новую Жизнь“ (безъ
прил.) на 1 г. 6 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при подп., 2 р.—1 мар. и 1 р. 60 к.—
1 іюл.). Подробн. просп.—**бесплатно**. Пробные №№ за двѣ 7-ми коп.
марки. Всѣ обязательства за 1912 выполнены. Подп. принимается
во всѣхъ книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи.

АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕЗОВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій, 19.

К-ра журн. „Новая Жизнь“. Ред.-Изд. И. М. Розенфельдъ.

ГУТТЕАЗЪ

ГЕНРИ ПЕНИ

по признанію лучшихъ специалистовъ врачей даетъ наиболѣе радикальные и быстрые результаты при леченіи

ПОДАГРЫ, РЕВМАТИЗМА, ПОЧЕЧНЫХЪ КАМНЕЙ, МОЧЕВОГО ПЕСКА

и прочихъ болѣзней, связанныхъ съ накопленіемъ въ организмѣ мочевой кислоты.

Гуттеазъ обладаетъ наивысшимъ растворяющимъ дѣйствіемъ на мочевую кислоту, способствуетъ удаленію ея изъ организма и препятствуетъ ея дальнѣйшему отложенію.

Примѣненіе Гуттеаза ведетъ къ разсасыванію подагрическихъ и ревматическихъ опухолей и быстрому растворенію почечныхъ камней и песка.

Продается въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна коробки **3 руб. 25 коп.**

Главное представительство для Россіи: **Институтъ Д-ра Кальва, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 1154.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛЪ „ДѢТСКІЙ МІРЪ“

ПРИНИМАЮТСЯ ПО ЦѢНѢ:

50 руб.—1/1 стр., **30** руб.—1/2 стр.,—
15 р.—1/4 стр. и **10** р.—1/8 стр.

✓

